

Стивен Эвертс

Как следует Европе воспринимать новую Америку?

Доводы в пользу более успешного сотрудничества
в борьбе с терроризмом

Суть проблемы: появление новой Америки

Во всей Европе существует единство мнений как относительно сферы распространения мощи США, так и ее центрального положения в международной системе. Восприятие США как «единственной сверхдержавы» в мире (или, если хотите, гегемона или даже имперской державы) теперь прочно вошло в общепринятый лексикон глобальной политики. Точно так же сложилось более или менее общее мнение, что в плане стратегии внешней политики возникла «новая Америка», чьи взгляды радикальны и разительно отличаются от прежних в том, что касается целей и способов применения мощи США: предпочтение отдается не многостороннему сотрудничеству, а односторонним акциям; приоритет принадлежит не «мягкой», а «жесткой» силе; основной упор делается не на излюбленный европейцами «холистический» подход к безопасности, а на «безумцев с ядерным оружием», т. е. устрашение и силу.

В Европе наблюдаются более заметные разногласия по поводу того, какие именно факторы определяют возникновение новой стратегической позиции американцев. Является ли она результатом действия скрытых структурных сил («разрыв власти» по Кагану)? Или это следствие системных сдвигов, как, например, окончания холодной войны? Или виной всему – путч неоконсерваторов? Или же все дело в реакции на атаки террористов 11 сентября? Или же, наконец, источником ее послужило столкновение отдельных личностей и их амбиций? Как полноправный член «трансатлантической партии» ана-

литиков, я тоже внес свой скромный вклад в эту дискуссию¹. Я разделяю в ней мнение «структуралистов», утверждающих, что перемены, происходившие на протяжении последнего десятилетия – внутри Америки и Европы, а также в международной системе – вызвали растущий разрыв в стратегических перспективах, который, по-видимому, сохранится надолго. Подытоживая вышесказанное: в политическом плане в Америке происходил постепенный сдвиг от атлантического побережья в сторону регионов «горного Запада». Кроме того, США переживали структурно экономический рост более высокого уровня и в определенной степени использовали его для финансирования дальнейшего наращивания своего военного превосходства, что, в свою очередь, повлияло на их стратегическую позицию. Европа же в качестве главной точки приложения своих усилий выбрала дальнейшее развитие Европы. Триединство «углубления, расширения и реформирования» выразилось во введении евро, расширении территории Евросоюза и грядущем принятии Конституции.

Однако куда большее значение, чем динамика этих внутренних перемен, имели великие потрясения на фоне международного пейзажа. Вначале конец холодной войны, а затем и атаки террористов 11 сентября переместили главный интерес «трансатлантической повестки дня» от европейских проблем в сторону «борьбы с глобализованной опасностью». А по поводу этой глобальной повестки дня европейцы и американцы весьма часто не достигают согласия. Они расходятся во мнениях относительно природы и неотложности решения существующих проблем (проблема «безумцев с ядерным оружием» против «негативной стороны глобализации»). И они не достигают согласия в вопросе о том, какая стратегия больше подходит для решения этих проблем (приоритет «жесткой» или «мягкой» безопасности, выбор односторонних действий или многостороннего сотрудничества и т. д.). И ставшее банальным утверждение, что события 11 сентября лишь усилили эти разногласия, тем не менее, абсолютно верно. В частности, в результате событий 11 сентября в США обострились споры о целесообразности и моральной оправдан-

¹ См., например: S. Everts, *Unilateral America, Lightweight Europe? Managing Divergence in Transatlantic Foreign Policy* // CER Working Paper, February 2001 and *Mission impossible? См. также: Managing the Growing Divide between Europe and the US* (победивший в конкурсе очерк, опубликованный Ассоциацией внешней политики, декабрь 2000 г.).

ности мощи США, о пользе существующих союзов, а также о важности выработки на глобальном уровне правил и норм для реагирования на новые угрозы.

В свою очередь, война с Ираком усилила все эти тенденции и импульсы. «По мнению администрации Буша, Совет Безопасности ООН оказался неспособен справиться с Саддамом Хусейном. Обходной путь использования многосторонней дипломатии в рамках ООН обошелся дорого и завершился полным провалом. НАТО оказался ненадежной опорой – столь же обременительной, сколь и полезной. ООН и ЕС обеспечили платформу, с помощью которой как друзья, так и соперники Америки постарались подорвать ее политику. И в конечном итоге лишь американская решительность и напористость смогли свергнуть преступного диктатора в Багдаде»².

То же самое, однако, можно сказать и о тех, кто отнесся к войне скептически. С их точки зрения, она утвердила образ США как надменного забияки, склонного преувеличивать угрозы, поправшего принципы международного права и законности, не желающего менять однажды утвержденные планы в свете новых обстоятельств или принимать советы союзников, и уникально неспособного справиться с решением сложной и насущной задачи стабилизации и восстановления разрушенного в ходе военного конфликта.

Ответ – часть 1: укрепление сотрудничества между США и Европой в деле борьбы с терроризмом

«Хорошие новости»: даже когда скандал в связи с событиями в Ираке достиг высшей точки, европейские страны и США все же успешно сотрудничали в борьбе против терроризма³. И сотрудничество это могло бы стать еще плодотворнее, если бы США решили в большей степени привлечь к нему именно ЕС, а не только правительства стран-членов ЕС. Но если обе стороны не разграничат проблему войны с терроризмом и сферу своих разногласий по

² S. Miller, *Primacy or Order? American Power and the Global System after Iraq*, доклад, подготовленный для выступления на семинаре Bertelsmann по проблемам трансатлантических отношений (Bertelsmann Workshop on Transatlantic Relations, July 2003, pp. 23-24).

³ В данном разделе использованы материалы недавно завершеного исследования моего коллеги по ЦЕР Адама Таунсенда по проблемам американо-европейского сотрудничества в ЯНА.

другим вопросам, достигнутые ими успешные наработки могут пропасть втуне.

Государственных деятелей по обе стороны Атлантики беспокоит, что на их здоровое практическое сотрудничество в скором времени может повлиять тот отравляющий климат, который до сих пор сохраняется между главами правительств и многими их советниками. Сотрудничество же со стороны США на уровне ЕС может и не начаться, поскольку оба эти государственные образования имеют разногласия в отношении обширного перечня тем – от проблемы смертной казни до вопросов, связанных с длительным удержанием американским правительством на базе в Гуантанамо лиц, подозреваемых в террористической деятельности, или возможностью использования информации личного характера полицией и службами безопасности.

Возможно, полицейское ведомство и разведка – единственные правительственные институты, еще сохранившие дух трансатлантической солидарности, возникший сразу после событий 11 сентября. Что же происходило? Немедленно после нападения террористов правительства всех стран-членов ЕС дали указания руководителям разведслужб и полиции более тесно сотрудничать со своими американскими коллегами. Разведданные перетекали в небывалых объемах, средства подозреваемых террористов были заморожены на банковских счетах, создавались совместные рабочие группы, и европейцы разрешили агентам ЦРУ и ФБР принимать непосредственное участие в расследованиях по делам террористов на территории Европы. Эти усилия быстро дали свои плоды – многочисленные аресты и прекращение деятельности террористических организаций.

Наиболее значимые перемены происходили отнюдь не в отношениях между разведслужбами США и Великобритании – между ними издавна существовала «особая связь». Реальные перемены затронули многие европейские страны, особенно Францию и Германию. Федеральное полицейское управление Германии (*Bundeskriminalamt*) в тесном сотрудничестве с ФБР расследовало деятельность угонщиков самолетов в бытность их в Гамбурге и Франкфурте. Президент Ширак приказал – главному управлению внешней разведки Франции (*Direction Générale de la Sécurité Extérieure*) – максимально сблизить свою работу с работой американских спецслужб. А многие другие страны-члены ЕС отправили своих представителей для работы

в командный центр объединенных антитеррористических сил, базировавшийся на военном корабле США в Аденском заливе.

Как ни удивительно, отношения между службами полиции и разведки США, Германии и Франции сохранились на прежнем «здоровом» уровне по сей день. В июне 2003 г. объединенная антитеррористическая группировка, располагавшаяся на мысе Горн в Африке, переместилась на бывшую военную базу французского Иностранного легиона в Джибути – вместе со всеми европейскими участниками.

После событий 11 сентября европейские правительства направили на борьбу с терроризмом и объединенные ресурсы Европейского Союза. Они воспользовались структурами ЕС, чтобы провести в жизнь давно предлагаемый закон об обще-европейском ордере на арест, выработали совместное определение терроризма как разновидности преступления, а также проект правил для проведения на более тесной основе совместных операций национальных полицейских ведомств разных стран. Правительства предоставили дополнительные ресурсы Европолу – только-только оперившейся полицейской службе ЕС, а также направили во вновь образованную рабочую группу Европола по борьбе с терроризмом сотрудников из своих национальных служб полиции и разведки. Теперь офицеры британской службы MI-6 работают бок о бок со своими итальянскими, испанскими и голландскими коллегами, что позволяет им быстрее и легче обмениваться необходимой информацией и разрабатывать совместные операции. Таким образом, хотя ЕС играет пока еще лишь маргинальную роль в деле борьбы с терроризмом, официальные лица США уже размышляют о том, работать ли – и в каких формах – вместе с институтами ЕС в вопросах борьбы с терроризмом и поддержания правопорядка. Госдепартамент США намеревается поставить проблему юстиции и внутренних дел (внутренней безопасности) во главе повестки дня миссии США в ЕС. Эта заинтересованность взаимна. Первый представитель Европейской комиссии, отвечающий за вопросы внутренних дел и юстиции, прибыл в Вашингтон в июле, а Европол направил в Вашингтон двух своих сотрудников для налаживания связей с соответствующими службами США.

Тем не менее, за этими обнадеживающими мерами скрывается потенциально тревожное будущее. Обеим сторонам придется приложить немало усилий, чтобы сохранить отно-

шения на должном уровне. Офицеры разведки задаются вопросом, как долго им удастся сохранять здоровое сотрудничество в условиях, когда отношения между их политическими руководителями подвергаются столь сильным потрясениям. В апреле 2003 г. в Вашингтоне шли неофициальные переговоры о том, что «Германию следует игнорировать, а на Францию давить». Неудивительно, что сотрудники французской и германской разведок опасались, что их могут не допустить к проведению совместных расследований. Разведслужбы США, в свою очередь, беспокоила возможность уменьшения помощи со стороны французских и германских коллег. К счастью, эти опасения пока еще не подтвердились, а наметившаяся возможность улучшения отношений между странами на высшем уровне позволяет надеяться, что риск подобного развития отношений стал меньше – по крайней мере, до возникновения новых разногласий.

Даже если США продолжат сотрудничество с национальными службами безопасности, для них может оказаться нелегко добавить к своим трансатлантическим связям еще и связи на уровне ЕС. Между двумя сторонами имеются разногласия по огромному количеству вопросов. Официальные лица США выражают обеспокоенность тем, что ЕС, судя по всему, далеко не всегда принимает всерьез угрозу терроризма. Например, они указывают, что ЕС не включил политическое крыло ХАМАС в список террористических организаций. Американские представители говорят, что США – в отличие от ЕС – рассматривают терроризм как экзистенциальную угрозу. Представители ЕС гневно возражают, что у них имеется давний опыт борьбы с терроризмом. По поводу ХАМАС они говорят, что опыт Северной Ирландии и других стран научил их сохранять политические каналы открытыми для диалога.

Разумеется, расхождение во взглядах наблюдается не только в вопросах тактики, но и на более глубоком уровне. Атаки террористов 11 сентября не заставили Европу отказаться от прежней позиции неприятия смертной казни; одновременно сохраняются и разногласия по поводу того, для каких целей правительства имеют право использовать информацию личного порядка о своих гражданах. Многих европейцев (как, впрочем, и американцев) шокирует создание «центров заключения» в Гуантанамо, где правительство США в настоящее время удерживает более 600 человек – включая трех несовершеннолетних – без предъявления им обвинения. Планы

администрации Буша судить некоторых заключенных военным трибуналом, полномочным приговаривать к смертной казни, вызывают опасения у ЕС, что США более не намерены всерьез придерживаться принципов «главенства закона».

Несомненно, что и Европа, и США нужны друг другу в борьбе с терроризмом. Эффективный обмен данными разведслужб делает более вероятной возможность предотвращения этими странами будущих нападений террористов. Как отмечено в отчете Конгрессу в связи с событиями 11 сентября, даже США, несмотря на затрачиваемые ежегодно на разведку громадные средства – 30 млрд. долларов, не способны в одиночку обеспечить всю полноту разведывательных операций. Разведки Франции и Германии обладают ценными «активами» в тех регионах, куда США и Великобритания не имеют столь хорошего доступа – например, во французскую агентурную сеть в Северной Африке. Поэтому начальникам полиции и разведки США стоит напомнить своему руководству о практических выгодах, проистекающих из сотрудничества с Европой. В принципиальных вопросах двум союзникам надо искать практические пути преодоления существующих разногласий. Например, заключение соглашения о выдаче преступников, провозглашенное на встрече глав правительств США и ЕС 25 июня, позволит ЕС отказать в такой выдаче, если данное лицо может быть приговорено к смертной казни или если США не могут гарантировать справедливого рассмотрения дела в гражданском суде.

Принимая во внимание глубинное расхождение в вопросах о стратегических перспективах, и США, и Европе следует иметь в виду возникновение новых ситуаций в будущем, когда руководители стран откажутся вести диалог. Поэтому обеим сторонам следует обезопасить сферу совместной борьбы с терроризмом от влияния разногласий, могущих возникнуть в других сферах. Необходимо создать непроницаемый барьер между повседневным сотрудничеством служб безопасности и отношениями на более высоком политическом уровне. Любая альтернатива приведет к тому, что трансатлантическая политическая напряженность ослабит безопасность граждан как США, так и Европы.

Ответ – часть 2: выступление в пользу более четкой формулировки взаимных условий

Проблема европейцев заключается в том, что, безусловно признавая факт появления новой Америки и по большей части соглашаясь в отношении причин возникновения данного феномена, они имеют крайне различные взгляды на то, как оптимально на нее реагировать. Проатлантически настроенные европейцы теперь еще более убеждены в том, что тесное сотрудничество между США и Европой абсолютно необходимо и что наиболее эффективно влиять на политику США можно будет, только максимально разделяя позицию США. Любая другая стратегия окажется и неэффективной, и опасной. Отсюда неоднократные настойчивые призывы Тони Блэра к «жизненно необходимому единству Европы и Америки». Отсюда и частые предупреждения Блэра об опасности появления «соперничающих центров власти». Блэр, напористо отвергая обвинения в том, что он-де – «мальчик на побегушках» у Штатов, утверждает, что на Вашингтон нельзя влиять, если не имеешь возможности сесть за один стол переговоров с американцами. Предложенный им общий аналитический взгляд и политическую стратегию разделяют правительства в Мадриде, Гааге, Риме, Варшаве и других столицах «новой Европы».

Альтернативное мнение гласит, что нынешнее американское руководство «не готово никого слушать». Президент Ширак, поддерживаемый в разной степени Шредером, Ферхофштадтом, Паттенном, а также определенными кругами европейской общественности, полагает, что США, безусловно приветствуя поддержку со стороны союзников, не желают в ответ пересматривать свою стратегию или делиться полномочиями в сфере принятия решений. Поэтому Блэр-де заблуждается, если полагает, что может оказывать на них какое-либо влияние, храня «верность». Более того, поскольку многие в этом лагере считают серьезной проблемой открытое навязывание Америкой ее новой позиции, оптимальным путем для Европы было бы выработать свои собственные приоритеты и стратегии. Меньшинство в этом лагере считает, что необходимо «противостоять» США, тогда как большинство подчеркивает необходимость положить конец (предполагаемому) подчинению Европы Америке и обеспечить для первой возможность эффективных самостоятельных действий.

Реально же никому из них не удается действовать достаточно эффективно: судя по всему, ни Блэр, ни Ширак не могут серьезно влиять на стратегию США. Вместо этого для европейцев имело бы смысл объединить свои усилия в проведении в жизнь политики, в большей степени опирающейся на условный характер поддержки со стороны Европы. Американцы всегда решительно оказывают жесткое давление при проведении в жизнь своих приоритетов, европейцам же бывает всегда крайне сложно требовать равноценных взаимных услуг. По целому ряду вопросов преференции Европы (включая и наиболее проатлантически настроенные европейские страны) отличаются от американских. Но даже Блэру не удалось добиться от США серьезных уступок в ответ на тот огромный политический риск, на который он идет. То же самое можно сказать и о других странах «новой Европы»: чем могут похвастаться главы правительств Польши, Италии, Испании, Нидерландов со всей их исключительной верностью – кроме снимков в Кроуфорде или на фоне Белого Дома?

В чем сейчас нуждается Европа – так это в выработке стратегии более решительной избирательности и более обусловленной выгодами поддержки американского курса. Европейцы слишком часто начинают с неприятия любых предложений американцев – чтобы затем относительно быстро пойти на попятный, едва выяснится, что США собираются действовать, невзирая на занимаемую ими позицию (ср., например, дебаты по вопросу о национальной противоракетной обороне) и, как правило, не меняя никаких аспектов своей политики. Американцы, не будучи дураками, заметили эту тенденцию, и теперь многие из них уверены: что ни предложи – европейцы «в любом случае согласятся» (или, во всяком случае, кое-кто согласится, а на других нечего обращать внимания). Для всей Европы важно, чтобы такое восприятие ее изменилось. Изменить его можно, избрав более селективный подход к решению тех вопросов, по которым европейцы захотят занять твердую позицию – но затем придерживаться этой позиции и не менять ее, пока американцы не пойдут на определенные заранее оговоренные уступки.

В марте 2003 г., когда Тони Блэру необходимо было заручиться поддержкой лейбористской партией своих планов относительно участия в войне с Ираком, он прибегнул к данной концепции увязывания отдельных вопросов и выдвижения взаимных условий: «Европе следовало в сентябре прошлого

года высказать в адрес США следующее. Единогласно надо было заявить: мы понимаем вашу стратегическую обеспокоенность в связи с терроризмом и возможностью применения оружия массового уничтожения, и мы поможем вам провести ее в жизнь. Мы будем верны своему слову, внесенному в любую принятую ООН резолюцию, и мы подкрепим их действиями, если Саддам откажется добровольно разоружиться. Однако взамен – надо было сказать Европе – мы требуем от вас двух вещей: чтобы США реально выбрали путь в рамках ООН и чтобы вы признали фундаментальную и безусловную значимость возобновления процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке, и мы будем требовать от вас верности своему слову. Вот это и был бы верный и ответственный путь построения партнерских отношений между Европой и Америкой, и трагедия состоит в том, что этого не произошло»⁴.

Должно быть ясно, что ввиду возникновения более серьезных проблем в нынешнем тревожном мире от Европы и США потребуется максимальное сближение своих усилий в деле сотрудничества. При условии совместной работы вряд ли у них останутся недостижимые цели. Но если они станут двигаться в противоположных направлениях, неизбежно возникнет патовая ситуация – или того хуже. Чтобы эффективно реагировать на тот дисбаланс, который незаметно возник в общей стратегии США, европейским лидерам придется намного четче уяснить для себя, каким вопросам они хотели бы уделить первоочередное внимание и какую цену хотели бы назначить за свою поддержку политике США. Однажды укрепившись на уровне ЕС, они должны будут сохранять завоеванную позицию, даже когда США постараются разъединить Европу.

Ответ – часть 3: строительство отношений между ЕС и США

Вторая часть европейской реакции на появление новой Америки состоит в том, чтобы основной упор делать на развитие и реформирование взаимоотношений США и ЕС. Возможно, все дело в европейских предрассудках, но наличие институтов все же имеет определенное значение. Жан Монне – «крестный отец» европейской интеграции – был прав,

⁴ Палата общин, 18 марта 2003 г..

подчеркивая необходимость подвести под международное сотрудничество крепкую институциональную базу. В своих мемуарах он высказал знаменитое суждение: «Ничто не возможно без отдельных личностей; ничто не сохраняется надолго без институтов»⁵.

Существующие механизмы трансатлантического сотрудничества не помогли избежать «крушения» в вопросе об Ираке; они работают неудовлетворительно и требуют модернизации. В настоящее время есть три основных канала; ни один из них не функционирует должным образом. НАТО, в чем его, впрочем, винить нельзя, утратило присущее ему некогда ощущение стратегической цели. Руководство НАТО в Брюсселе и проатлантические правительства Европы отчаянно пытаются доказать, что НАТО сохраняет прежнюю значимость. Но из-за своих взглядов и традиционных наработок НАТО плохо приспособлено руководить борьбой Запада с источниками новых угроз (стратегический терроризм, распространение ОМУ, сращивание стран-неудачниц и организованной преступности). В грядущие годы НАТО будет осуществлять множество мероприятий по сохранению мира и поддержке миротворческих операций, а также регулировать вопросы сотрудничества и оборонной дипломатии. Все это – важные задачи. Но союз не будет «действенным», т.е. организацией, в рамках которой союзники работают с целью уменьшить разногласия по поводу стратегических перспектив и разрабатывают общую для всех повестку дня. В частности, правительство Буша, по-видимому, весьма активно стремится задействовать НАТО для выполнения различного рода «зачисток», но не хочет использовать его в качестве базы для совместной разработки общей стратегии борьбы с новыми угрозами. Скорее, девиз его – «миссия определяет коалицию». Отсюда и роль НАТО как придатка, с помощью которого удобно «объяснять» суть мышления США и заручаться поддержкой своих планов – но не более того.

Разнообразные «пары государств» с двусторонними отношениями (США–Великобритания, США–Германия, США–Франция, США–Польша и т. д.) также не смогут произвести на свет никакой общей для всех и амбициозной трансатлантической повестки дня, которая могла бы привлечь поддержку и ресурсы всех заинтересованных участников. Это подтверждается на примере Ирака. Было очевидно, что среди самих евро-

⁵ J. Monnet, *Memoirs*, London: Collins, 1978.

пейцев были глубокие разногласия в вопросе о том, как следует поступить с Ираком. Но давление со стороны США, как и избранный ими политический курс (вспомним реплику Рамсфельда о новой и старой Европе), еще более углубили эти разногласия – а без этого можно было бы и обойтись. В ближайшей перспективе США вполне в силах – как это и произошло в случае с Ираком – разобщить Европу, объединяясь с теми странами, которые поддерживают их политику, одновременно игнорируя тех, кто не хочет этого делать. Беда в том, что, поступая таким образом, США также неизбежно побудили тех, кто отнесся к войне скептически, использовать свои дипломатические и иные ресурсы, чтобы подорвать стратегию США. Парадокс же заключается в том, что примененная США тактика «разделяй и властвуй» привела к тому, что главный вопрос уже заключался в том, что делать с мощью и диктатом США, а не в том, как следует поступить с Ираком. Если бы сутью спора оставался Ирак и правомерность применения военной силы, между США и Европой не случилось бы того раскола, который реально имел место. Более того, затраты – со стороны США связанные со ставкой на разобщение – продолжают расти: всем тем европейским правительствам, которые встали на сторону США, в политическом плане это обошлось очень дорого. События 11 сентября изменили Америку. Но иракская война изменила Европу, и особенно Великобританию. Ныне и «новые», и «старые» европейцы признают ущерб, нанесенный внутриевропейским расколом в вопросе об Ираке. А цена получения в будущем поддержки со стороны Великобритании, Испании и др. (скажем, в вопросе об Иране) в смысле корректировки политического курса окажется столь высока, что США надо быть вполне готовыми «принять на борт» всю Европу.

Методом исключения это приводит нас к отношениям между ЕС и США. Ясно, что они далеки от совершенства. Отношения эти следуют бюрократической повестке дня, производя на свет бесконечные списки общих целей и инициатив, которые желательно было бы выработать – но при этом обеспечивают весьма мало возможностей для ведения стратегического диалога по основополагающим вопросам. В значительной степени европейцам следует винить за это самих себя. Система ротации президентства – имеющая мало смысла, но затрудняющая дело – приводит к тому, что через каждые шесть месяцев изменяются и сотрудники аппарата, и приоритеты. Ответственность за внеш-

ние действия ЕС не очень понятным образом распределяется между Комиссией, Советом и странами-членами. Но, к счастью, в Конвенции было достигнуто соглашение о проведении серии разумных реформ, которые упорядочат внешнее представительство ЕС. Наличие новой должности Президента Совета ЕС, официального Министра иностранных дел ЕС и работающего на постоянной основе главы Еврогруппы (причем срок пребывания на всех этих постах составляет 2,5 года) облегчит ведение более продуктивного трансатлантического диалога. Если не принимать в расчет повседневных флуктуаций внешней политики ЕС, станет ясно, что налицо стойкая тенденция к тому, чтобы в данной сфере было «больше Европы», что мы и видим в случае Европейской комиссии, отвечающей за вопросы внутренних дел и юстиции. В ближайшие годы «транспортный поток» по каналам ЕС-США возрастет. Таким образом, обе стороны будут иметь общий интерес в том, чтобы сделать этот механизм более эффективным. Отношения между ЕС и США постепенно обеспечат платформу, на которой Америка и Европа будут вести стратегические дискуссии и вырабатывать общую действенную повестку дня.

Зачем надо Европе и Америке вновь оживлять свои взаимоотношения? Причина ясна: каждая из двух сторон нуждается в другой, чтобы обеспечить себе необходимые результаты. Американским политикам надлежит помнить, что им не удастся достигнуть многих намеченных целей – как – то справиться с терроризмом, распространением ОМУ, склонить Россию в сторону Запада или содействовать интеграции Китая в глобальную систему – не имея союзников. А европейские страны, несмотря на их очевидные недостатки, остаются всё же самыми согласно мыслящими союзниками, обладающими наибольшим международным весом среди всех остальных, поддержкой которых смогли бы заручиться США.

И точно так же европейским лидерам стоит осознать, что до тех пор, пока ЕС не укрепит свою способность предпринимать значимые действия и доводить их до конца, мало кто в Вашингтоне будет готов принимать в расчет их мнения. Обнадеживает то, что в Европе вроде бы формируется единое мнение, что одна лишь критика решений США недостаточна – какой бы оправданной она ни была.⁶ Качество внешней политики, проводимой самой Европой, должно повыситься, по меньшей

⁶ См., например: Lawrence S. Graham and Ryszard Stemplowski (eds.), *The EU-US Cooperation. Transatlantic Dialogue Third Conference*, Warsaw 2003.

мере, по трем причинам: чтобы заполнить пустоты, оставляемые более масштабной стратегией США, повысить вероятность решения важных проблем глобального уровня, а также, в конечном итоге, заставить Вашингтон в большей степени уважать взгляды европейцев. По сути, Европа и Америка обречены на партнерство. Они стоят перед реальным выбором: либо продолжать ссориться и чернить друг друга, либо осознать, наконец, что для решения проблем, которые всё более тревожат мир, необходимы и Америка, готовая слышать другие страны, и Европа, способная действовать.

С английского перевел А. Юрасовский
(перевод неавторизованный)